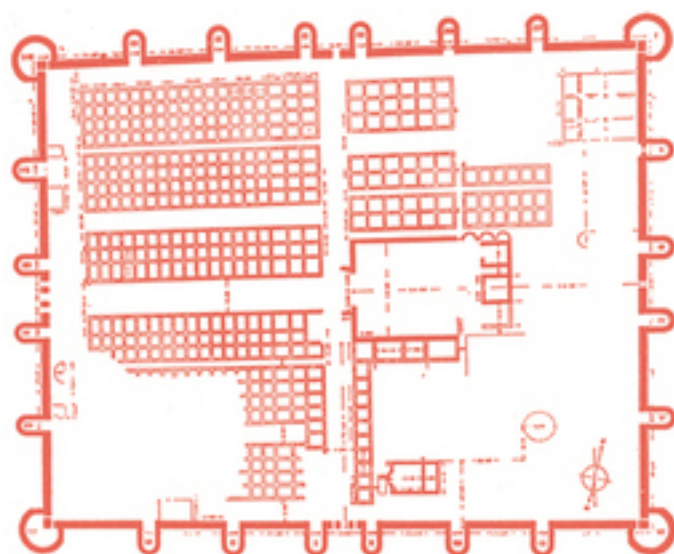

АЛЬДО РОССИ

АРХИТЕКТУРА ГОРОДА

STRELKA PRESS

Альдо Росси

Архитектура города

«Strelka Press»

1976, 2011

Росси А.

Архитектура города / А. Росси — «Strelka Press», 1976, 2011

Итальянский архитектор Альдо Росси отказался от создания нового, «лучшего» города и попытался вернуть интерес архитекторов и проектировщиков к городу историческому: существующую городскую архитектуру он описывал как сложный, насыщенный смыслами и эмоциями феномен, открытый новым зданиям, но принимающий их по своим собственным законам.

Содержание

Предисловие к изданию 1995 года	7
Предисловие к американскому изданию	8
Предисловие. Факты городской среды и теория города	12
Глава первая	18
Индивидуальность фактов городской среды	18
Факт городской среды как произведение искусства	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Альдо Росси

Архитектура города

ALDO ROSSI

L'ARCHITETTURA DELLA CITTÀ

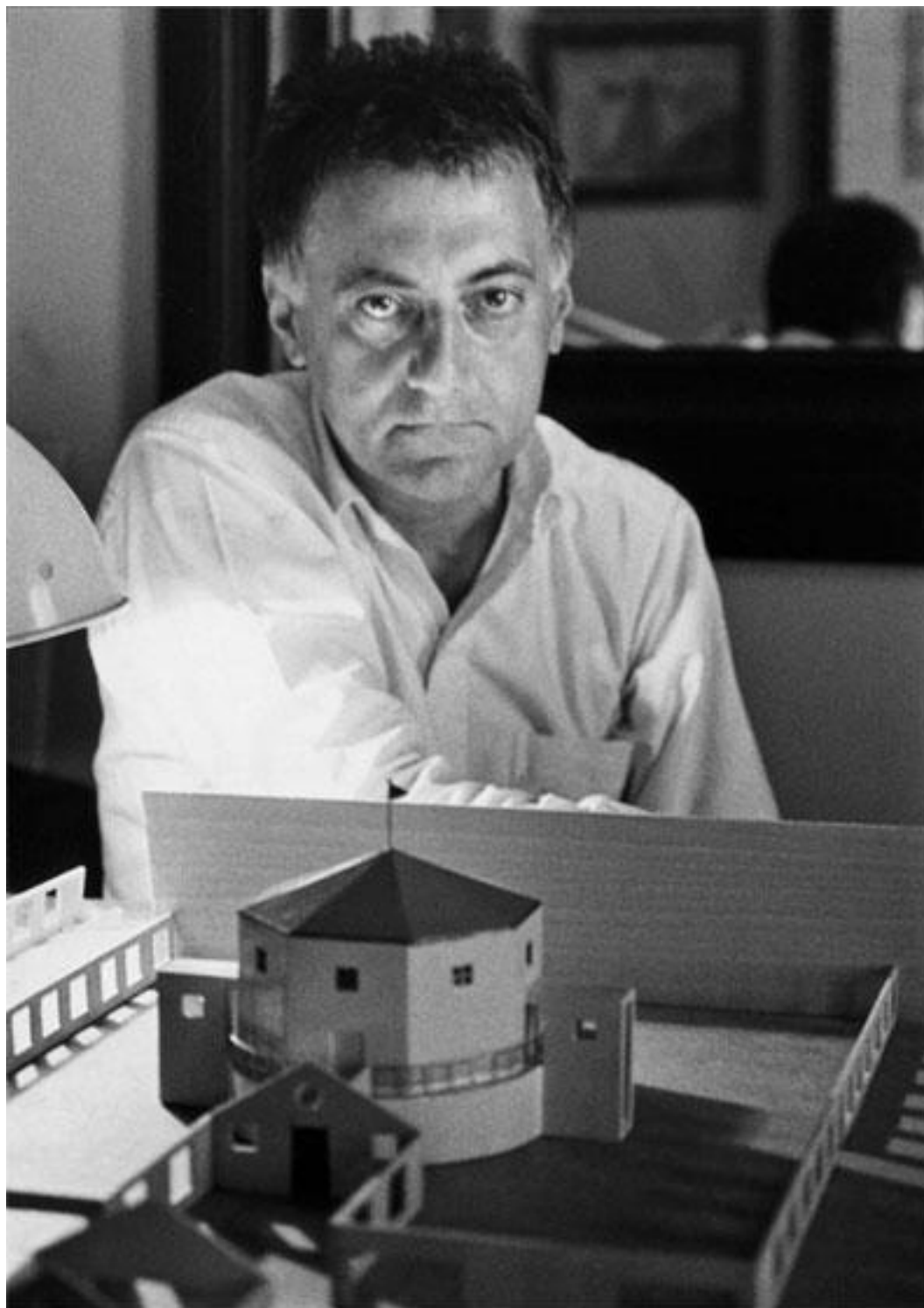
В оформлении обложки использованы чертежи римских поселений в Иордании из книги Рудольфа Брюннова и Альфреда Домашевского «Провинция Аравия», 1904

© Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка», 2015

© Eredi Aldo Rossi, 2011

© AldoBallo, 1976

* * *

Альдо Балло, 1976

Предисловие к изданию 1995 года

Книге «Архитектура города», опубликованной в 1966 году, невероятно повезло: она была переведена практически на все европейские языки и стала предметом изучения и обсуждения в учебных заведениях Европы и Америки.

В Америке она приобрела широкую известность по причинам, перечислять которые было бы слишком долго.

Книга была написана как научный труд, с необходимыми отсылками к другим исследованиям; последующие дополнения и цитаты усложнили текст и сделали его похожим на школьный учебник.

Мы с издателем решили вернуться к первому изданию книги, несколько изменив графическое оформление.

Это не самоограничение и не оправдание: написав новое предисловие, я изменил бы самому себе; ведь этот текст уже стал классикой и открыт для толкований и переосмыслений.

В конце я хотел бы поблагодарить издателя и всех, кто работал над этим изданием.

Милан, 18 сентября 1995 года

Предисловие к американскому изданию

Эта книга впервые вышла пятнадцать лет назад: с тех пор ее издали множество раз, перевели на четыре языка, и она оказала влияние на целое поколение молодых европейских архитекторов. Впервые я изложил идею города-аналога во введении ко второму итальянскому изданию, некоторые разъяснения дал во введении к португальскому изданию, а затем уже предпочитал не делать никаких дополнений к тексту. Как живописное полотно, здание или роман, книга становится общественным достоянием; кто угодно может изменить ее как вздумается, и это не зависит от автора. Как в «Узоре на ковре» Генри Джеймса: контур ясный, но каждый видит в нем свое. Образ Джеймса передает идею о том, что четкий анализ поднимает вопросы, которые не подлежат дальнейшему анализу. Поэтому, когда я готовил первое издание этой книги, ее стиль и построение были предметом моей особой заботы, потому что только совершенная ясность рациональной системы позволяет размышлять над иррациональными вопросами, подвигает человека рассматривать иррациональное единственно возможным способом: используя разум.

Я верю, что понятия *локуса*, памятника и типа дали начало общему обсуждению, которое, пусть иногда и сдерживаемое академизмом, все же породило серьезные исследования и спровоцировало спор, который продолжается и по сей день. Ради хронологического порядка я крайне осторожно изменял книгу в этом издании: изменения касались в основном иллюстраций, и, кроме того, я пытался сделать более ясным язык настоящего перевода на английский.

Америка... Для этой страны я решил написать особое предисловие. Американская культура, особенно литература и кино, оказала на меня влияние, еще когда я был молодым, пусть это влияние было скорее фантастическим, а не научным. Из-за слабого знания языка и отсутствия непосредственного опыта знакомства со страной она не смогла стать для меня полем работы. Несмотря ни на что, ее архитектура, ее люди, все американское – не представляли для меня такой уж ценности. Говоря более серьезно, я не мог примерить свою собственную архитектуру – свои идеи и здания – на бескрайнее тело Соединенных Штатов, статичное и динамичное, безмятежное и лихорадочное. Тем не менее я осознавал, что в итальянских академических кругах Америку совсем не знали; кинорежиссеры и писатели понимали ее гораздо лучше архитекторов, критиков и ученых.

В последние несколько лет я приезжал в Америку, работал тут – и снова стал думать об «Архитектуре города». Хотя в высшей степени разумные критики сочли это парадоксом, но я обнаружил, что американский город и сельская местность являются несомненным подтверждением моих идей. Возможно, это потому, что теперь Америка уже стала «старой» страной со множеством памятников и традиций, или потому, что в Америке город из частей – историческая и динамическая реальность; но важнее всего, что Америка, как кажется, построена в соответствии с тезисами, представленными в этой книге.

Что это значит?

Когда на эти новые обширные земли прибывали первые поселенцы, им надо было организовывать свои города. Они следовали одной из двух моделей: города строились либо по сетке координат, как, например, большинство городов Латинской Америки, Нью-Йорк и другие, либо вокруг «главной улицы», образ которой стал легендарным благодаря вестернам. В обоих случаях особое значение имели здания европейского города, в ту пору уже буржуазного: церковь, банк, школа, бар и рынок. Даже жилой американский дом сохранил во всех деталях два основных европейских типа: испанский корраль и патио в Латинской Америке и английский загородный дом в Соединенных Штатах. Я мог бы привести множество примеров, но я не эксперт в истории американской архитектуры и урбанистики; я предпочитаю делиться своими впечатлениями, пусть даже они и основаны на моем понимании истории. Рынок в Про-

виденсе; городки Нантакета, где белые рыбацкие дома похожи на останки кораблей, а колокольни вторят маякам; морские порты, такие как Галвестон, – все кажется построенным из уже существовавших частей, которые потом были искажены собственным контекстом, да так оно и есть. Аналогично большие американские города превозносят урбанистическое целое из камня и цемента, кирпича и стекла, из которых *они* и построены. Возможно, ни одна урбанистическая конструкция в мире не сравнится с нью-йоркской. Нью-Йорк – город памятников, я даже не верил раньше, что такой может существовать.

Мало кто из европейцев понял это в то время, когда в архитектуре царил модернизм; но Адольф Лоос отразил это в своем проекте, представленном на конкурс Chicago Tribune. Огромная дорическая колонна, которая многим европейцам могла показаться только игрой, венским дивертисментом, явила собой синтез искажающих эффектов масштаба и применения «стиля» в Америке.

Этот американский урбанистический контекст или пейзаж делает воскресную прогулку по Уолл-стрит такой же впечатляющей, как если бы это была прогулка по воплощению одного из перспективных рисунков Серлио (или какого-нибудь другого теоретика Возрождения). Вклад европейского опыта в американский и пересечения с ним создали «город-аналог», наделенный неожиданным значением – неожиданным, как и значение «стилей» и «порядков», которые были к нему применены. Это значение полностью отличается от того, которое обычно видят историки современной архитектуры: Америку, составленную из разрозненных примеров хорошей архитектуры, которые приходится выискивать с гидами, – Америку обязательно «международного стиля» и единичных шедевров великих художников в море посредственных и деловых зданий. Но на самом деле верна прямая противоположность этого представления.

Американская архитектура выше всей «архитектуры города»: первичных элементов, памятников, частей. Так, если мы хотим говорить о «стиле», в смысле архитектуры ренессансной, или палладианской, или готической, мы не можем не обращать внимания на Америку.

Все из этих архитектур заново возникают в моих проектах. После того как я закончил работу над студенческим общежитием в Кьети, американский студент дал мне почитать текст об академическом поселке в Университете Виргинии, написанный Томасом Джефферсоном. Я обнаружил ряд поразительных параллелей с моей работой, при том что я раньше ничего не знал об этой работе. Карло Аймонино, в статье под названием «Архитектура оптимизма» («Une architecture de l'optimisme»), написал: «Если, сделаем абсурдное предположение, Альдо Росси занялся бы проектом нового города, я убежден, что его проект напоминал бы планы, созданные двести лет назад, по которым строились многие американские города: уличная сеть, которая позволяет разделить собственность, церковь, которая является церковью, общественное здание, функция которого станет немедленно очевидной, театр, суд, частные дома. Каждый сможет определить, соответствует ли здание его идеалу, – процесс и структура дадут уверенность проектировщику настолько же, насколько и тому, кто будет его использовать». С этих позиций американские города – новая глава этой книги, а не просто предисловие.

В предисловии к первому итальянскому изданию я говорил, что книге необходима глава, посвященная колониальным городам, которую я пока не успел написать. В великолепном труде «Испанский урбанизм в Америке» Ксавье Рохаса и Луиса Морено¹ приводятся некоторые планы, которые заслуживают отдельного исследования, планы невероятных городов, в которых церкви, дворы и галереи Севильи и Милана преобразованы в новые элементы городского дизайна. Ранее я говорил о *fabbrica della città*, а не о «городской архитектуре»: и *fabbrica* значит «создание» в старом римском и возрожденческом смысле, то есть созидание, продолжающееся во времени. И сегодня миланцы зовут свой кафедральный собор *fabbrica del dôm* и понимают под этим и размер, и сложность возведения собора – здания, процесс строительства которого

¹ Rojas J. A., Moreno Rexach L. J. Urbanismo español en América. Madrid: Editora Nacional, 1973.

продолжается все время. Очевидно, что кафедральные соборы Милана и Реджо-Эмилии, а также Темпьо Малатестиано в Римини красивы именно в своей незавершенности. Они все напоминают заброшенную архитектуру – заброшенную в силу времени, по случайности или из-за судьбы города. Город в своем росте определяется артефактами, он оставляет открытыми множество возможностей и содержит неизученный потенциал. Это не имеет ничего общего с понятием открытой формы или открытой работы; скорее предлагает идею *прерванной* работы. Город-аналог является в сущности городом в своей разнообразной целостности; это видно в отголосках Востока и Севера, которые можно найти в Венеции, в раздробленной структуре Нью-Йорка и в воспоминаниях и аналогиях, которые всегда есть в каждом городе.

Человек не может предвидеть, будет работа прервана или нет. Это, так сказать, историческая случайность, происшествие, изменение в истории города. Но, как я покажу в этой книге, говоря о планах Наполеона на Милан, в конечном счете есть связь между отдельным архитектурным проектом и судьбой города. Когда проект не утопичен, не абстрактен, а возникает из особых проблем города, он продолжает и выражает эти проблемы через свои стиль и форму, а также через множество деформаций. Эти деформации или изменения важны, но до определенных пределов, именно потому, что архитектура, или «стройка» города, представляет собой *коллективный* по своей сути артефакт и определяется характерными чертами города.

Я завершил первое издание книги, вышедшее в 1966 году, такими словами: «Таким образом, сложная структура города возникает из дискурса, план которого до сих пор недостаточно разработан. Возможно, этот дискурс – в точности как законы, которые определяют жизнь и судьбу отдельных людей; каждая биография, хоть и зажатая между рождением и смертью, сложна и насыщена. Очевидно, архитектура города – человеческий феномен *par excellence* – даже вне смысла, который мы ей придаем, и на уровне чувств, которые она у нас вызывает, – настоящий символ этой биографии».

Это наложение частной и коллективной памяти, вместе с изобретением, которое происходит во *времени* города, привело меня к понятию *аналогии*. Аналогия выражает себя через процесс архитектурного проектирования, элементы которого существовали ранее и формально определены, но настоящее значение которого непредсказуемо в начале и раскрывается только в конце процесса. Таким образом, значение процесса определяется значением города.

Таково в конечном счете значение ранее существовавших элементов: город как биография конкретного человека является нам через некие ясно определенные элементы, такие как дом, школа, церковь, завод, памятник. Но эта биография города и его зданий, как будто бы так четко определенная, содержит в себе значительное пространство для воображения и интереса – происходя точно из их реальности – в конечном счете чтобы обернуть город в ткань артефактов и чувств, которая более важна, чем архитектура или форма, и выходит за рамки любого утопического или формалистического видения города.

Я думаю о безымянной архитектуре больших городов, улиц, жилых кварталов, домов, разбросанных в сельской местности, городских кладбищ, таких как в Сент-Луисе, о людях, живых и умерших, которые продолжали и продолжают строить город. Мы можем смотреть на современные города без энтузиазма, но если бы мы могли видеть глазами микенского археолога, мы бы углядели за фасадами и фрагментам архитектуры старейших героев нашей культуры.

Я с радостью написал это предисловие к первому американскому изданию – и потому, что это очередное прочтение, как любой опыт проектирования, отражает мое становление, и потому, что характер американского города становится новым незаурядным материалом этой книги.

Возможно, как я сказал в начале, это и есть значение архитектуры города; как у узора на ковре, контур ясен, но каждый видит его по-своему. Или, чем он яснее, тем более он открыт для сложной эволюции.

Нью-Йорк, 1978

Предисловие. Факты городской среды и теория города

Город, которому посвящена эта книга, я понимаю как архитектуру. Говоря об архитектуре, я имею в виду не только внешний облик города и совокупность его строений, а прежде всего архитектуру как конструкцию. Я говорю о конструкции и развитии города во времени.

Мне кажется, подобный угол зрения, независимо от специальных знаний, открывает путь для более глобального анализа города; этот анализ имеет дело с конечной реальностью коллективной жизни, с созданием среды, в которой она разворачивается.

Я говорю об архитектуре в позитивном смысле, как о созидании, неразрывно связанном с общественной жизнью и с социумом, в котором она проявляется; она по своей природе коллективна.

Первые люди строили для себя жилища и в этих первых строениях пытались создать наиболее удобную для жизни среду, однако они руководствовались и эстетическим замыслом. Так появилась архитектура, вместе с зачатками городов; то есть архитектура – неотъемлемая часть цивилизации, ее постоянный, универсальный и необходимый элемент.

Создание среды, наиболее благоприятной для жизни, и эстетический замысел – фундаментальные характеристики архитектуры; эти аспекты обнаруживаются в любом исследовании и проявляют сущность города как творения рук человеческих.

Но, будучи неразрывно связанной с обществом и природой, архитектура придает обществу конкретную форму и очевидным образом отличается от любого другого искусства и науки.

Все это – основы позитивного исследования города, который начинает вырисовываться уже в первых поселениях.

Со временем город растет, обретая самосознание и память. В его устройстве сохраняются первоначальные черты, но в то же время город изменяет и уточняет направления своего развития.

Флоренция – это конкретный город, но память Флоренции, ее образ обретают черты, в которых проявляются иные ценности и иной опыт. С другой стороны, эта универсальность опыта никогда целиком не отражается в той непосредственной форме, которую представляет собой Флоренция.

Контраст между частным и общим, индивидуальным и коллективным обнаруживается в устройстве самого города: в его архитектуре. Этот контраст между частным и общим, индивидуальным и коллективным – одна из главных точек зрения, с которых в этой книге рассматривается город – проявляется в разных аспектах, в отношениях между частной и общественной сферой, в различиях между рациональным проектированием городской архитектуры и ценностью отдельных *локусов*, между общественными и частными зданиями.

С другой стороны, мой интерес к количественным вопросам и к их связи с вопросами качественными составляет одну из причин появления этой книги: мои исследования отдельных городов всегда затрудняли и без того нелегкую задачу – обобщить материал и спокойно перейти к его количественной оценке. Ведь каждая местность – это *locus solus* [особенное место], а любое архитектурное вмешательство должно соответствовать общим принципам. Итак, с одной стороны, я отрицаю возможность чисто рационального планирования архитектурных проектов, связанных с конкретными местными условиями, с другой – понимаю, что именно местные условия в конечном счете характеризуют эти проекты.

Таким образом, в урбанистике невозможно переоценить «монографическую» работу – исследование отдельных фактов городской среды. Забыв о них – в том числе и в их самых оригинальных, индивидуальных, необычных проявлениях, – мы начинаем строить теории совершенно искусственные и совершенно бесполезные. Исходя из этой предпосылки, я попытался выработать метод анализа, который позволил бы объединить весь изученный мною материал

по единому критерию; этот метод основывается на изложенной здесь теории фактов городской среды, на восприятии города как сооружения и на разделении его на первичные элементы и жилую зону (*area-residenza*). Я убежден, что в этой области можно добиться серьезных успехов, если заняться систематическим сравнительным исследованием фактов городской среды на основании предпринятой здесь попытки классификации.

В этой связи мне хочется добавить следующее: идея разделения города на общественную и частную сферы, на первичные элементы и жилые районы высказывалась неоднократно, но ее первостепенная важность еще ни разу не получила должного признания.

Эта идея тесно связана с архитектурой города, поскольку архитектура является неотъемлемой частью человека как такового и в немалой степени формирует его. Архитектура – это неизменные «декорации», в которых разворачивается человеческая жизнь. Она включает в себя переживания многих поколений, общественные события, личные трагедии, факты новой и древней истории. Коллективное и частное, общество и индивид взаимодействуют и сталкиваются в пределах города, который состоит из множества отдельных существ, стремящихся найти свое место в нем и – в то же время – свое собственное ограниченное пространство, соответствующее пространству общему.

Жилые дома и территория, на которой они располагаются, становятся в своем развитии знаками этой повседневной жизни.

Взгляните на горизонтальные срезы города, которые показывают нам археологи: это изначальная и вечная «канва» человеческой жизни, ее неизменная схема.

У каждого, кто помнит облик европейских городов после бомбежек Второй мировой войны, стоят перед глазами картины разрушенных домов и сохранившиеся среди руин остатки жилищ с выцветшими обоями, висящими в пустоте рукомойниками, переплетениями труб – осколки чьей-то частной жизни. А вспомните, какими постаревшими кажутся нам почему-то дома нашего детства в потоке городской истории. Картины, гравюры и фотографии разрушенных жилищ могут дать вам представление об этом. Снос и разрушение, экспроприации и резкие изменения в использовании городской территории, а также спекуляции и устаревание – самые распространенные факторы развития города, поэтому я попытаюсь подробно проанализировать их. Но какой бы смысл мы им ни придавали, они остаются символом перемен в жизни индивида, символом его участия (порой тяжелого и драматичного) в судьбе коллектива. Коллектив же, в свою очередь, выражает себя с помощью неких постоянных элементов в городских памятниках. Памятники, знаки коллективной воли, выраженной в архитектурных принципах, функционируют как первичные элементы, опорные точки городской динамики.

Принципы и трансформации реальности и составляют структуру творения рук человеческих.

Итак, в своей работе я попытался систематизировать основные проблемы урбанистики.

Взаимоотношения этих проблем, как и их следствия, связывают урбанистику со всем комплексом гуманитарных наук; но все же, как мне кажется, эта наука обладает определенной автономностью, хотя в ходе своего исследования я не единожды задаюсь вопросом, где проходят границы ее автономности. Мы можем изучать город с разных точек зрения: но он предстает перед нами как самостоятельная сущность, когда мы рассматриваем его как конечный факт, как конструкцию, как архитектурное целое.

Иными словами, когда мы анализируем факты городской среды как они есть, как конечный результат сложного процесса, принимая во внимание все детали этого процесса, которые не включают в себя ни история архитектуры, ни социология, ни другие науки.

Я склоняюсь к мысли, что урбанистика, понимаемая таким образом, представляет собой часть истории культуры и – благодаря своему всеобъемлющему характеру – одну из главных ее частей.

В этой работе я описываю различные методы, которые можно использовать для изучения города; особое место среди них занимает сравнительный метод. И тут методичное сравнение регулярной последовательности усиливающихся различий всегда будет для нас самым надежным способом детального и глубокого исследования. Поэтому я с особой уверенностью говорю о значимости исторического метода, однако я также уверен, что нельзя рассматривать изучение города как чисто историческое исследование. Необходимо уделить особое внимание константам – именно для того, чтобы не сводить историю города к одним лишь константам. Я считаю, что постоянные элементы можно и нужно рассматривать в том числе и как явления патологические.

Роль постоянных элементов в истории города можно сравнить с их ролью в языке; действительно, между урбанистикой и лингвистикой прослеживаются очевидные параллели – прежде всего, в том, что касается констант и сложности процессов изменений.

Обозначенные де Соссюром перспективы развития лингвистики можно было бы применить и к урбанистике: описание современного состояния и истории существующих городов, изучение постоянных и всеобъемлющих факторов, воздействующих на все факты городской среды. И естественно, необходимость определить свой предмет и границы.

Размышляя над разработкой подобной программы, я попытался особенно подробно рассмотреть вопросы истории и методы описания фактов городской среды, отношения между отдельными местными факторами и структурой городов, определить основные силы, действующие в городах, – силы, постоянно влияющие на все аспекты городской жизни.

Последняя часть этой книги посвящена политической стороне урбанистики; под политической стороной я понимаю проблему выбора, благодаря которой город в своем развитии воплощает собственную идею города.

Я считаю, что значительная часть наших исследований должна быть посвящена истории идеи города; иными словами – истории идеальных городов и городских утопий.

Насколько мне известно, исследования по этой теме весьма немногочисленны и фрагментарны, хотя и существуют отдельные работы в области структуры и истории политических идей.

В действительности между фактами, которые реализуются в конкретном городе, и идеальными представлениями о городе происходит постоянное взаимодействие, обмен, а нередко и борьба. Я уверен, что история архитектуры и реальных фактов городской среды всегда связана с историей господствующих классов; было бы интересно посмотреть, каким образом и в какой степени революции предлагают свой собственный конкретный способ организации города.

В действительности в исследованиях города существует два совершенно разных подхода, и было бы полезно их изучить, начиная с истории греческих городов и противопоставления платоновского государства и аристотелевского анализа конкретных фактов городской среды. Здесь возникают ключевые вопросы метода.

Мне кажется, что аристотелевский подход – изучение конкретных фактов – заложил основы урбанистики, а также исследования городской географии и архитектуры. Однако не приходится сомневаться, что мы не можем адекватно оценить конкретные факты без привлечения обоих методов; ведь некоторые чисто абстрактные идеи существенным образом, прямо или опосредованно, повлияли на темп и направления развития городов.

Анализ этих направлений имеет для нас огромное значение.

При разработке теории города можно опираться на множество исследований; но следует рассматривать эти исследования с самых разных сторон и брать из них то, что требуется для построения общей картины особой теории города.

Не останавливаясь на отдельных трудах по истории урбанистики, можно отметить, что существуют два крупных направления мысли. Одно из них считает город продуктом функци-

ональных систем, определяющих его архитектуру и, следовательно, городское пространство; другое воспринимает город как пространственную структуру. В первом случае город возникает из анализа политических, социальных и экономических систем и рассматривается с точки зрения соответствующих дисциплин; во втором город изучается скорее с позиций архитектуры и географии. Хотя моя работа выполнена в рамках второго подхода, я принимаю во внимание и результаты исследований первого типа, в них были поставлены очень важные вопросы.

Таким образом, в своей книге я ссылаюсь на исследователей разных школ и пытаюсь рассмотреть некоторые тезисы, которые считаю основополагающими, независимо от воззрений их авторов. Трудов, на которые я опираюсь, не так уж много, если учитывать все, что написано по теме; но, не забывая о том, что любая упомянутая книга или автор должны вносить конкретный вклад в конкретное исследование, иначе цитировать их совершенно бессмысленно, я все же решил указать те работы, которые считаю основополагающими. Некоторые изложенные в них теории были сформулированы учеными, чьи воззрения мне крайне близки, и являются рабочими гипотезами моего исследования. С чего бы мы ни начали разговор об отдельной теории города, их идеи невозможно обойти стороной.

За пределами нашей дискуссии остаются, разумеется, отдельные труды, которые имеют основополагающее значение и, несомненно, будут продолжены: например, прозрения Фюстель де Куланжа, Моммзена и др.

Что касается первого из этих авторов, я говорю прежде всего о той огромной роли, которую он отводил социальным институтам как постоянному элементу исторической жизни, и о связи между мифом и социальным институтом. Мифы приходят и уходят, путешествуя с места на место. Каждое поколение рассказывает их по-разному, добавляя новое к полученному от отцов наследию. Но за этой реальностью, меняющейся от эпохи к эпохе, стоит иная, стабильная реальность, в значительной степени неподвластная времени. Она и является истинным стержнем религиозной традиции. Отношение человека и богов в древнем городе, культ, который он им посвящает, имена, которыми он их называет, дары и жертвы, которые он им приносит, – все это подчинено нерушимым законам. Отдельный человек перед ними бессилен.

Я считаю, что важность ритуала и его коллективная природа, его ключевая роль как хранителя мифа – это ключ к пониманию значения памятников и, что для нас особенно важно, к значению основания города и передачи идей в городском пространстве.

В своей попытке наметить теорию города я уделяю большое внимание памятникам и нередко размышляю об их роли в динамике развития города, не предлагая окончательных выводов. Эта работа должна быть продолжена, и я уверен, что для этого нужно глубже проанализировать отношения между памятником, ритуалом и мифологическим элементом в духе Фюстель де Куланжа.

Ведь если ритуал является постоянным и неизменным элементом мифа, то такую же роль играет и памятник, который свидетельствует о мифе и именно поэтому делает возможным существование ритуальных форм.

Это исследование стоило бы начать с греческого города: это позволило бы нам существенно углубить понимание городской структуры, которая изначально была неразрывно связана с образом жизни и поведением людей.

Открытия современной антропологии в области социальной структуры первобытных поселений ставят новые вопросы перед исследователями планировки городов, заставляя рассматривать факты городской среды в свете главных причин их возникновения и развития.

Главные причины я намереваюсь использовать как основу изучения фактов городской реальности, исследования все большего числа фактов и вписывания этих фактов в пространственно-временной контекст.

То есть изучение постоянных и универсальных сил, воздействующих на все факты городской среды.

Возьмем отношение между отдельными фактами городской жизни и городскими утопиями; обычно это отношение изучается и считается проясненным в рамках определенного периода, с привлечением довольно скромного контекста и с крайне скудными результатами. До какой степени мы можем вписывать подобный частный анализ в контекст постоянных и универсальных сил, действующих в городе?

Я не сомневаюсь, что полемика между утопическим и научным социализмом во второй половине XIX века – это важный материал для изучения, но мы не можем рассматривать ее в чисто политическом аспекте: необходимо соотнести ее с реальными фактами городской среды, иначе картина получится сильно искаженной. И так нужно работать со всем массивом фактов городской среды. А на деле мы наблюдаем экстраполяцию частных результатов на всю историю города.

В целом описания истории города решают самые серьезные проблемы, отрывая один период от другого, и в результате забывают или не замечают среди разных результатов, которые, впрочем, и обуславливают значимость компаративного метода, постоянного и универсального характера сил, определяющих развитие города.

Исследователи-урбанисты, увлеченные социологическими характеристиками индустриальных городов, обошли вниманием целый ряд крайне значимых фактов, которые могут внести в урбанистику оригинальный и необходимый вклад.

Я имею в виду колониальные поселения и города, основанные европейцами, в основном после открытия Америки. По этому вопросу материала очень мало; например, Фрейре пишет о роли определенных типов строительства и городского планирования, принесенных португальцами в Бразилию, и о том, как они были структурно связаны со сформировавшимся в Бразилии типом общества. Отношения между деревенской и латифундистской семьей в период португальского освоения Бразилии, которое, в свою очередь, было связано с иезуитской, а также с испанской и французской колонизацией, играют огромную роль в формировании южноамериканских городов.

Я пришел к выводу, что исследования вроде работы Фрейре могут внести неоценимый вклад в изучение городских утопий и устройства города, но материал, которым мы располагаем, все еще слишком фрагментарен.

С другой стороны, политические изменения в современных государствах показали, как медленно меняется устройство города при переходе от капиталистического города к социалистическому, и нам трудно даже оценить масштаб этих изменений. Здесь тоже работает аналогия с лингвистическими фактами.

Я разделил эту книгу на четыре части: первая часть посвящена проблемам описания и классификации, то есть типологическим вопросам, вторая – структуре города и его частей, третья – архитектуре города и *локусам*, в которых она располагается, а значит, городской истории, и, наконец, в четвертой части я говорю об основных вопросах развития города и о политике как выборе.

Все эти вопросы связаны с проблемой образа города, его архитектуры; образ определяет восприятие всей территории, обжитой и обустроенной человеком. Эта тема всегда возникает в наших исследованиях, настолько тесно она сопряжена с проблемами человека. Видаль де ла Блаш писал: «Пустоши, леса, возделанные поля, необработанные земли образуют неразрывное единство, воспоминание о котором носит в себе человек». Это неразрывное единство и есть одновременно природная и рукотворная родина человека. Это понятие природного применимо и к архитектуре. Мне приходят на ум слова, которыми Милиция описывает сущность архитектуры как подражания природе: «На самом деле у архитектуры нет образца, созданного природой, зато у нее есть образец, созданный человеком в соответствии с природным умением строить себе жилища».

И наконец, я уверен, что развитие теории города, намеченной в этой книге, может идти разными путями и в неожиданных направлениях. Но я также уверен, что дальнейшее познание города будет реальным и плодотворным, только если мы не будем пытаться свести город к какой-то одной частности и забывать о его значении как целого.

А еще я уверен в том, что необходимо заниматься урбанистикой, как исследованиями, так и преподаванием, тем самым утверждая столь необходимую ей самостоятельность и независимость.

Этот набросок фундаментальной теории города, как бы вы ни отнеслись к его форме и содержанию, является этапом продолжительной работы, и его задача – не столько изложить полученные результаты, сколько открыть дискуссию о возможном развитии уже проведенного исследования.

Глава первая

Структура фактов городской среды

Индивидуальность фактов городской среды

Описывая город, мы описываем в первую очередь его форму. Эта форма – конкретный факт, связанный с конкретным опытом: Афины, Рим, Париж. Выражением этой формы служит городская архитектура, от которой я и буду отталкиваться в обсуждении проблем города. Городскую архитектуру сегодня можно рассматривать с двух разных сторон; в первом случае мы можем уподобить город масштабной конструкции, инженерному или архитектурному сооружению, более или менее крупному, более или менее сложному, растущему во времени; во втором случае мы исследуем более отдельные объекты, факты городской среды, обладающие собственной архитектурой и собственной формой. И в первом, и во втором случае мы осознаем, что архитектура – это лишь один аспект более сложной реальности, особой структуры, но в то же время она является конечным, доступным для изучения фактом этой реальности, а значит, обеспечивает наиболее конкретный подход к проблеме.

При исследовании определенного факта городской среды нам становится проще понять это, и в результате этого исследования перед нами выстраивается целый ряд проблем; кроме того, начинают просматриваться и менее ясные вопросы, связанные с качеством и особой природой каждого факта городской среды.

Во всех европейских городах существуют большие дворцы, или архитектурные комплексы, или ансамбли, которые являются составными частями города и редко сохраняют свою первоначальную функцию. Сейчас мне на ум приходит Палаццо делла Раджоне (здание городского суда) в Падуе. При посещении памятника этого типа возникает целый ряд вопросов, напрямую связанных с ним; более всего поражает множество функций, которые способен выполнять такой дворец, и то, что эти функции, можно сказать, совершенно не зависят от его формы, однако же именно эту форму мы рассматриваем и запоминаем, и именно она, в свою очередь, участвует в структурировании города.

Где начинается индивидуальность этого дворца и чем она определяется? Конечно, индивидуальность определяется скорее его формой, а не материей, хотя и материя здесь тоже играет важную роль; но она определяется также и сложностью формы и ее организованностью в пространстве и времени. Так, мы осознаем, что если бы факт городской среды, который мы рассматриваем, был создан недавно, он не имел бы такой ценности; в этом случае, может быть, мы могли бы оценивать его архитектуру саму по себе, говорить о его стиле и форме, но в нашем распоряжении не было бы того богатства мотивов, благодаря которым мы выделяем определенный факт городской среды.

Некоторые первоначальные свойства и функции сохранились, некоторые совершенно поменялись, некоторые аспекты формы обладают вполне определенной стилистической принадлежностью, другие говорят о позднейших добавлениях и трансформациях; думая о сохранившихся свойствах, мы вынуждены признать, что, хотя эти свойства отчасти связаны с материей (и это единственный доступный нам эмпирический факт), нас интересуют также и духовные ценности.

Здесь нам стоило бы поговорить об идее этого здания, о памяти, которую несет это здание как продукт некой общности, и о связи, которую оно устанавливает между нами и этой общностью.

Однако случается, что, посещая этот дворец и осматривая город, мы получаем разный опыт и разные впечатления. Некоторые люди ненавидят то или иное место, потому что оно связано с неприятными событиями в их жизни, иные же, напротив, считают какое-то место счастливым; эти впечатления и совокупность этих впечатлений – тоже часть города. Тогда, хоть это и крайне трудно при нашем современном образовании, мы должны признать, что пространство обладает качественными свойствами. Именно в этом смысле наши предки признавали священный характер того или иного места, и это требует анализа гораздо более глубокого, чем тот, что предлагают нам некоторые психологические тесты, оценивающие исключительно ясность, «читаемость» форм.

Мы остановились всего на одном факте городской среды, и вот перед нами уже возник целый ряд вопросов; в основном они связаны с такими обширными темами, как индивидуальность, *локус*, структура, память. В них прослеживается возможность гораздо более полного познания фактов городской среды, отличного от того, к чему мы привыкли, и теперь нам следует определить, насколько это соответствует действительности.

Повторю, здесь я собираюсь рассматривать эту конкретику через архитектуру города, через форму, поскольку, как мне кажется, именно в ней выражаются все стороны фактов городской среды, в том числе и их происхождение. С другой стороны, описание формы представляет собой совокупность эмпирических данных нашего исследования и может производиться с помощью методов наблюдения; описание формы отдельных фактов городской среды – это часть морфологии города, но не более чем ее отдельный элемент или инструмент. Такое описание сближается с изучением структуры, но не совпадает с ним. Все исследователи городов останавливались перед структурой фактов городской среды, заявляя, впрочем, что за перечисленными элементами стоит *l'âme de la cité* [душа города], иными словами – качество фактов городской среды. В результате французские географы разработали важную систему описания, но не стали даже пытаться взять последний рубеж своих исследований: отметив, что город выстраивает себя в своей целостности, которая и составляет его *la raison d'être* [смысл существования], они оставили неизученным значение выявленной структуры. Да они и не могли поступить иначе, учитывая предпосылки, от которых они отталкивались; все эти исследователи откладывали на потом анализ конкретики, присутствующей в отдельных фактах городской среды.

Палаццо делла Раджоне. Падуя, 1219–1309

Факт городской среды как произведение искусства

Позже я попытаюсь рассмотреть основные положения этих исследований; а сейчас пора высказать одно крайне важное соображение и назвать некоторых авторов, работающих в этом направлении.

В некоторых трудах, касающихся индивидуальности и структуры отдельных фактов городской среды, был поставлен ряд вопросов, совокупность которых, как мне кажется, составляет систему, подходящую для анализа произведений искусства. Хотя целью этого исследования является определение природы и характеристик фактов городской среды, уже сейчас можно сказать следующее: мы признаем, что в природе фактов городской среды есть нечто, что делает их очень похожими – и не только в метафорическом смысле – на произведения искусства; они представляют собой структурированную материю, однако же не сводятся к одной лишь материи: они играют не только пассивную, но и активную роль.²

Художественность фактов городской среды тесно связана с их качеством, с их исключительностью; а значит, с их анализом и определением. Это очень сложная тема. Сейчас, не обращая внимания на психологические стороны вопроса, я утверждаю, что факты городской среды сложны сами по себе, их можно анализировать, но они с трудом поддаются определению. Природа этой проблемы всегда вызывала у меня особый интерес, и я уверен, что она непосредственно относится к городской архитектуре.

Возьмите любой факт городской среды, дворец, улицу, квартал, и опишите его; у вас возникнут те же самые сложности, с которыми мы столкнулись на предыдущих страницах, когда говорили о Палаццо делла Раджоне в Падуе. Часть этих сложностей обусловлена несовершенством нашего языка, и некоторые из них можно преодолеть, но обязательно останется некий опыт, доступный только тому, кто лично посетил этот дворец, улицу, квартал.

Теоретическое представление о факте городской среды всегда будет несколько отличаться от знания того, кто «проживает» этот факт. Это может ограничить нашу задачу; возможно, она состоит, главным образом, в том, чтобы описать тот или иной факт городской среды как сооружение, как конструкцию. Иными словами, определить и классифицировать улицу, город, улицу в городе; местоположение этой улицы, ее функцию, ее архитектуру, а впоследствии – возможные системы улиц в городе и многое другое.

Итак, нам придется заниматься географией города, топографией города, архитектурой и другими дисциплинами. Теперь задача кажется непростой, но выполнимой, и ниже мы попытаемся провести подобный анализ. Это означает, что в самых общих терминах мы сможем составить логическую географию города; эта логическая география будет заниматься, глав-

² Во вступлении к своей лучшей книге Мамфорд выражает все эти идеи в самых сложных и вдохновляющих урбанистических терминах. И прежде всего – в терминах англосаксонской литературы (в том числе и викторианского эстетизма). Я приведу цитату из итальянского перевода: «Город – это явление природы, как пещера, гнездо или муравейник. Но это еще и осмысленное произведение искусства, которое включает в свою коллективную структуру множество более простых и индивидуальных форм искусства. Мысль обретает форму в городе и, в свою очередь, определяется городом. Ведь пространство в не меньшей степени, чем время, причудливо реорганизуется в городе, в линиях и контурах стен, в сочетании горизонтальных плоскостей и вертикальных линий, в использовании природных структур или в борьбе с ними <...>. Город – это одновременно и материальный инструмент коллективной жизни, и символ той общности целей и взглядов, которая рождается в столь благоприятных условиях. Наряду с языком город остается, возможно, величайшим произведением искусства, когда-либо созданным человеком» (*Mumford L. The Culture of Cities. New York: Harcourt, 1938*). Город как произведение искусства нередко становится содержанием и незаменимым опытом в творчестве многих художников: часто их имя оказывается связанным с определенным городом. В качестве примера, имеющего особое значение для исследования связей города и литературного творчества (и города как произведения искусства), приведем речь Томаса Манна о Любеке (*Mann Th. Lübeck als geistige Lebensform // Idem. Zwei Festreden. Leipzig: Reclam, 1945 [Mann T. Любек как форма духовной жизни // Он же. Собр. соч.: В 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 9]*). Сложность анализа структуры города проявляется уже в современной форме в путевых заметках Монтеня и развивается в работах ученых, путешественников и художников эпохи Просвещения (*Montaigne M. Journal de voyage de Michel de Montaigne en Italie par la Suisse et l'Allemagne en 1580 et 1581. Paris, 1774*).

ным образом, проблемами языка, описаниями и классификациями. Таким фундаментальным вопросам, как, например, типология, до сих пор не посвящено ни одной серьезной систематической работы в области урбанистики. Существующие классификации порождают слишком много непроверенных гипотез, а значит, и бессмысленных обобщений.

Но в рамках наук, к которым я обратился, мы можем наблюдать более широкий, более масштабный и полный анализ фактов городской среды; он рассматривает город как «человеческий феномен *par excellence*» и, вероятно, затрагивает и те аспекты, которые можно познать, только непосредственно «прожив» тот или иной факт городской среды. Это понимание города – точнее, фактов городской среды – как произведения искусства присутствует в урбанистических исследованиях. В виде разнообразных догадок и описаний мы можем обнаружить его у художников разных эпох и во многих явлениях общественной и религиозной жизни: и в этом смысле оно всегда связано с определенным местом, событием и формой в пространстве города.

Однако проблема города как произведения искусства была открыто поставлена и рассмотрена в научном ключе, прежде всего в рамках исследования природы фактов коллективной жизни, и я считаю, что ни одна работа по урбанистике не может игнорировать эту сторону проблемы. Как связаны факты городской среды с произведениями искусства? Все значимые явления общественной жизни похожи на произведения искусства тем, что они являются порождениями жизни бессознательной. В первом случае речь идет о коллективном уровне, во втором – об индивидуальном; но это не так уж важно, поскольку первые создаются публикой, а вторые – для публики, и именно публика является для них общим знаменателем.

Исходя из этих предпосылок, Леви-Стросс вернул город в сферу тематики, полной неожиданных поворотов. Он же заметил, что еще в большей степени, чем другие произведения искусства, город находится между естественным и искусственным, являясь одновременно объектом природы и субъектом культуры.³ Этот анализ продолжил Морис Хальбвакс, обнаружив в свойствах воображения и коллективной памяти типичные характеристики фактов городской среды.

У этих исследователей города в его структурной сложности есть неожиданный малоизвестный предшественник – Карло Каттанео. Каттанео никогда напрямую не задавался вопросом о художественном характере фактов городской среды, но его представление о тесной связи наук и искусств как конкретных аспектов развития человеческого разума делает такое сближение возможным. Позже я обращусь к его пониманию города как идеального принципа истории, к связи города и деревни и другим его идеям, касающимся городской среды. Здесь нам интересно рассмотреть его подход к городу. Каттанео не разделяет город и деревню, поскольку любое поселение является делом рук человека. «Любая обжитая область отличается от диких мест именно тем, что в нее вложено огромное количество труда. <...> Таким образом, эта

³ «La ville... la chose humaine par excellence» [«Город... творение человека в самом утонченном понимании этого слова»] (Lévi-Strauss C. *Tristes Tropiques*. Paris: Plon, 1955. P. 122 [Леви-Стросс К. Печальные тропики. М.; Львов: АСТ; Инициатива, 1999. С. 155]). Автор высказывает первые соображения о качестве пространства и загадочном характере развития города. Поведение отдельных индивидов совершенно рационально, но не поэтому невозможно выделить бессознательные моменты жизни города; поэтому в городе возникает странное противоречие в отношениях индивида и коллектива. «...Ce n'est donc pas de façon métaphorique qu'on a le droit de comparer – comme on l'a si souvent fait – une ville à une symphonie ou à un poème; ce sont des objets de même nature. Plus précieuse peut-être encore, la ville se situe au confluent de la nature et de l'artifice» [«Можно с полным правом сравнивать – и вовсе не метафизически, как это часто делается, – города с симфониями или поэмами; это вещи одной и той же природы»] (Ibid. P. 122 [Там же. С. 155]). В своих рассуждениях на эту тему автор объединяет исследования экологического характера, отношения между человеком и окружающей средой и искусственное изменение окружающей среды. Постичь город в его конкретной реальности означает понять индивидуальность его жителей; индивидуальность, которая лежит в основе архитектурных памятников: «Comprendre une ville, c'est, par delà ses monuments, par delà l'histoire inscrite dans ses pierres, retrouver la manière d'être particulière de ses habitants» [«Понять город вне его памятников, вне истории можно, открыв, что значит быть жителями этого города»].

земля на девять десятых не является творением природы; это творение наших рук; это рукотворная родина».⁴

⁴ Карло Каттанео, «Земледелие и мораль» (впервые опубликовано в «Atti della Società d'incoraggiamento d'arti e mestieri» [«Акты Общества содействия искусствам и ремеслам»], 1845). На этих страницах автор приводит полный обзор своей концепции «природных фактов» в анализе, где лингвистика, экономика, история, география, право, геология, социология, политика участвуют в определении структуры фактов. Его позитивизм, унаследованный от Просвещения, особенно ярко проявляется по отношению к конкретным вопросам. «Немецкий язык называет одним и тем же словом “ремесло” строителя и ремесло земледельца; слово “земледелие” (Ackerbau) звучанием напоминает не о возделывании земли, а о возведении зданий; крестьянин – это строитель (Bauer). Когда невежественные германские племена увидели, как под сенью римских орлов строятся мосты, дороги, стены и с таким же трудом превращаются в виноградники нетронутые берега Рейна и Мозеля, они назвали все эти деяния единым словом. Да, народ должен *строить* свои поля так же, как и свои города» (с. 4) (позже опубликовано в книге: *Cattaneo C. Scritti economici* / A cura di A. Bertolino. Firenze: Le Monnier, 1956. Vol. III. P. 5). Мосты, дороги и стены – это начало трансформации, которая изменяет среду существования человека и сама становится историей. Ясность этого тезиса делает Каттанео одним из первых урбанистов в современном смысле слова, когда речь идет о вопросах, связанных с территорией; см. его выступление по поводу проблем, возникающих при прокладке новых железных дорог. Габриэле Роза, автор биографии Карло Каттанео, пишет: «Нужно было проложить транспортную артерию между Миланом и Венецией. Математики тщательно изучали географические вопросы, не принимая во внимание население, историю, местную экономику – элементы, не вписывающиеся в математические линии. Потребовался глубокий и разносторонний ум Каттанео, чтобы пролить ясный свет на этот новый и сложный вопрос <...>. Он выяснил, какой маршрут обещает большую частную выгоду и общественную пользу. Он заявил, что строительство не обязано подчиняться тирании ландшафта; что цель работы – не столько обеспечить быстрый проезд, сколько извлечь выгоду из скорости; что пассажиропоток больше на небольших расстояниях; что самая высокая нагрузка должна быть на линиях, соединяющих значимые и древние города и что в Италии у того, кто забывает о любви к малым родинам, зерна всегда будут падать на бесплодный песок» (*Rosa G. Carlo Cattaneo: Commemorazione* // *Cattaneo C. Scritti politici ed epistolario*. Firenze: G. Barbera, 1892–1901. Vol. 1. P. 20–21).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.